

1 августа 1980 г.

ИЗ КОГОРТЫ СОЛНЦЕЛЮБОВ

К 80-летию Александра Копыленко

Когда умер Остап Вишня, в его квартире среди многочисленных друзей писателя молча стоял невысокий мужчина с характерным лицом, в котором жило что-то и от крестьянина, и от интеллектуала-интеллигента. Светлые внимательные глаза, две глубокие залысины в русом непокорном чубе, загар на лице, на руках, по-рабочему шероховатых и сильных. Александр Иванович Копыленко.

Впрочем, молчал он лишь первые минуты, — спазм давил горло. Немного погодя, уже на площадке перед квартирой покойного, говорил и говорил — то задумчиво, то порывисто, вспоминал эпизоды-происшествия с участием Остапа Вишни и его, Копыленко.

Тогда А. И. Копыленко только вступил в свой пятидесятый седьмой год. В летописи же его литературной деятельности уже насчитывалось 100 отдельных изданий.

В детстве ему постоянно приходилось слышать гудки паровозов и ритмичное пощипывание колес на стыках рельсов, так как подрастал в семье железнодорожника на Харьковщине. И, может быть, именно эта ритмика, эти паровозные голоса вызвали у мечтательного мальчика желание обратиться к людям со словами, звенящими, как колеса на рельсах, выстроившимися, как отлетающие журавли. Жажда поэзии проснулась в нем рано, еще в семинарские годы. Впервые его имя появилось в печати под стихами в начале двадцатых годов.

Но стихи были увлечением молодости. Став студентом естественного факультета Харьковского института народного образования, Копыленко понял, что ритмика, строгий такт живет не только в перестуке колес, в осеннем журавлином ключе...

Когда торопится в небе весной стая жаворонков или гусей из теплых краев к родной земле, беспорядочность их полета — только обман для неопытного глаза. В действительности же и построение птиц в пути, и взмахи их крыл, и все там подчинено строгой закономерности, неукоснительному по-

рядку, сложнейшей взаимосогласованности ритмики.

По этим законам живет проза — едва ли не самое великое чудо литературного творчества, та проза, в которой слова в чем-то похожи то на жаворонков в стремительном их полете, то на рассудительных, неторопливых лебедей, то на орлов-соколов.

С 1923 года, когда вышел первый рассказ «Кара-круча», стихия прозы захватила Копыленко целиком, лишь изредка брался он за перо драматурга.

Трудоспособный и упорный, Копыленко печатает произведения за произведением, издает книгу за книгой. «Весела історія», «Македон Блин», «Сенчині пригоди», «Мати», «Леза», «Твердий матеріал», «Христя», «Буйний хміль», «Друзі», «Надзвичайна пошта» и др. — все это за пять лет. Для молодого писателя то был действительно период буйного хмеля, чувства и мысли, пробужденные Октябрьской революцией, сложными условиями формирования новой жизни в первое советское десятилетие, словно сами просились на бумагу.

Энергия созидания, увлеченность светлой перспективой коммунистического будущего, осуждение всего, что тормозит поступь миллионов, — все эти мотивы, высказанные горячо и страстно, — отличительные черты первых книг прозаика, все глубже осваивающего мудрую науку Михаила Коцюбинского и своего совре-

менника Степана Васильченко.

Копыленко не относится к литературным однолюбам, отдающим свой талант отображению жизни определенного класса или одной прослойки. Быт села он знал не хуже городского и одинаково щедро заселял свои произведения и крестьянством, и рабочими, так же, как и интеллигенцией. Это стало особенно проступать с 1934 года, когда появился роман «Народжується місто».

Посвященная животрепещущему тогда вопросу — преобразованию нашей страны из аграрной в индустриальную, эта книга оставила заметный след в украинской литературе. Хотя роман числится в списке «производственных», но от многих подобных отличается индивидуализированными образами строителей молодого города, людей, которые в трудных условиях классовых борьбы изменяли мир, менялись и сами. Драматический узел, завязывающийся вокруг семьи Каабов, те пульсирующие нити, которые объединяют семью с обществом, с коллективом строителей в частности, вопросы морали и этики, чести и совести, поднятые в произведении, волнуют читателя и теперь, почти через полстолетия после написания романа.

Некоторое время Копыленко учительствовал, и это в большой мере определило направление его творчества. Писатель все чаще адресует свое слово читателю молодому, и даже совсем юному. И именно тут достигает весьма значительных успехов. Диалогия «Дуже добре» и «Десятикласники», написанная рукой талантливого, опытного мастера, заняла почетное место в советской классике детской литературы. В то же время эти романы интересны и взрослым.

Воспитание детей, наверно, самое трудное и самое ответственное дело в жизни человека. В какие руки передаешь то, что не успел закончить сам? Какие всходы взойдут в сердцах тех, кому ты подарил дыхание?

Четкость характеров, авторская взволнованность, убедительная скупость психологиче-

ского рисунка, точность выражений, напряженность действия — все это обеспечило длительность читательского интереса к романам, которые в канун 80-летия их автора пришли к молодежи в новом издании. Нынешние школьники могут встретиться с чудесной учительницей Ольгой Карловной, с мужественным коммунистом завучем Кужелем и их воспитанниками — Аркадием, Кириллом, Сашей, мысли и дела которых волнуют уже не одно поколение учащихся.

Прошедший курс естествознания наложил отпечаток на все творчество Александра Копыленко. Природа — флора и фауна — неизменные его персонажи. Причем не просто как фон, как «среда обитания» героев, как что-то вспомогательное. Во многих, очень многих рассказах она — основа, а то и единственное действующее лицо. В рассказах о природе Копыленко — нежный лирик, тонкий акварелист, точный ученый.

В квартире писателя, особенно в его рабочей комнате, сразу можно было отметить — тут живет природолюб. Основная ветка с шишками на книжном шкафу, ржаные колосья в вазинчике, птицы в клетке, а где-то в углу и черепаха. А с балкона нередко подавал голос петух. Александр Иванович улыбался:

— Это мой будильник. На рассвете зовет к столу...

Жанр юбилейного эссе не дает возможности хотя бы коснуться всего, что вышло из-под пера этого прекрасного мастера художественного слова, всегда взволнованного, неизменно искреннего и правдивого в каждой фразе. Чаще всего он рисовал картины оптимистические, оставаясь на тех моментах, которые могли пробудить в душе, в сердце читателя, так сказать, токи активного действия, и обходя все, что могло бы пригасить волю читателя.

Это закон гуманистической литературы, и Александр Копыленко оставался верен ему всегда.

...Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты, — истина древняя, как мир.

Копыленко начинал свой творческий путь среди запевал украинской советской литературы. Он входил в цех прозы наряду с Андреем Головкой, Остапом Вишней, Петром Панчем, Юрием Яновским, Александром Довженко, Юрием Смоличем. И остается рядом с ними навечно в когорте солнцелюбов.

Анатолий ДРОФАНЬ.